

Наталья Андрейченко
Елена Воробей
Людмила Поргина
Геннадий Хазанов
Сергей Астахов
Ирина Салтыкова
Егор Кончаловский
Юрий Антонов
Дарья Донцова
Тамара Гвердцители
Денис Мацуев
Мария Миронова

Елена Яковлева
Николай Цискаридзе
Анастасия Макеева
Светлана Пермякова
Александра Самохина
Натали
Роксана Бабаян
Екатерина Волкова
Татьяна Буланова
Дмитрий Маликов
Михаил Боярский
Наталья Селезнева

Борис Корчевников

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

С любовью к жизни

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К70

Фотографии на переплете и форзаце
Григория Яшухина

Корчевников, Борис Вячеславович.

К70 Судьба человека. С любовью к жизни / Борис Корчевников. — Москва : Эксмо, 2022. — 304 с.

ISBN 978-5-04-155063-9

Телеведущий Борис Корчевников как никто другой умеет расположить звездных гостей своей программы «Судьба человека» к максимально искренним, исповедальным признаниям. Судьба каждого человека неповторима. Кто принимает непростые решения, меняющие всё: мы сами или кто-то или что-то за нас? Какую роль в судьбе каждого играет любовь? Книга Бориса Корчевникова предлагает читателю уникальные ответы на эти и другие вопросы от одних из самых интересных наших современников. Дарья Донцова, Дмитрий Маликов, Наталья Андрейченко, Денис Мацуев, Елена Яковлева, Николай Цискаридзе, Мария Миронова и другие известные артисты, музыканты, писатели. Программа «Судьба человека» — лауреат премии «ТЭФИ» в номинации «Лучшее дневное ток-шоу» (2019).

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-155063-9

© Корчевников Б.В., 2022
© Телепрограмма «Судьба человека»,
ВГТРК, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья Андрейченко. Влюбленная в жизнь	7
Елена Воробей. Самый страшный день	17
Людмила Поргина. Три брака, одна любовь	31
Геннадий Хазанов. Я от себя не в восторге	47
Сергей Астахов. Злой рок	57
Ирина Салтыкова. Я сама	69
Егор Кончаловский. Династия	81
Юрий Антонов. Ни о чем не жалею	93
Дарья Донцова. По воле судьбы	105
Тамара Гвердцители. Мама, ты была права	119
Денис Мацуев. Любовь и музыка	129
Мария Миронова. Дело не в фамилии	139
Елена Яковлева. Что хочет женщина	149
Николай Цискаридзе. Я знаю, что такое падать	161
Анастасия Макеева. Удержать любовь	179
Светлана Пермякова. Дочка	193
Натали. О боже, какой мужчина	203
Роксана Бабаян. История одной любви	215
Александра Самохина. Анна	225
Екатерина Волкова. Раба любви	239
Татьяна Буланова. Я снова влюблена	259
Дмитрий Маликов. Вечно молодой	261
Михаил Боярский. Все пройдет, только верить надо ..	273
Наталья Селезнева. Самая непосредственная девушка СССР	289

НАТАЛЬЯ АНДРЕЙЧЕНКО

ВЛЮБЛЕННАЯ В ЖИЗНЬ

О таком старте в карьере, какой был у нее, можно только мечтать. Она стала единственной студенткой великого Сергея Бондарчука, которой он, вопреки правилам, уже на втором курсе разрешил сниматься в кино. После окончания учебы за ее плечами уже была внушительная фильмография. В том числе картина «Сибиряда» режиссера Андрея Кончаловского. А уже в 27 лет она стала настоящей звездой, одной из самых любимых советскими зрителями актрис, причем как взрослых, так и детей. На экраны почти одновременно вышли два культовых фильма: «Мэри Поппинс, до свидания» и «Военно-полевой роман». За ней ухаживали самые известные, богатые и талантливые мужчины. Ее первым мужем был известный композитор Максим Дунаевский, а вторым — знаменитый актер, режиссер, миллионер Максимилиан Шелл, с которым у них родилась дочь Анастасия. Именно из-за него она упустила роль в культовой картине «Зимняя вишня», а потом и вовсе приняла решение уехать из России в Америку. Наталья была уверена, что и там сможет добиться успеха. Настоящая мисс Совершенство, блестящая актриса, готовая поко-

ритель Голливуд, будущая мама, любимая жена, по крайней мере, так тогда казалось. Но оба мужа Натальи предали ее, оставили ради других женщин. Карьера в Голливуде не заладилась, а дети, по словам самой актрисы, в какой-то момент обвинили ее в равнодушии. Не так давно она призналась, что все-таки не теряет надежды построить свое женское счастье и мечтает снова сниматься в России. Ведь такой зрительской любви, какая у нее была здесь, она не встретила больше нигде, куда бы ни забрасывала ее судьба, судьба человека, судьба Натальи Андрейченко.

Борис Корчевников, телеведущий

— Я не жалею ни о чем. Мне кажется, все, что происходит в жизни, — правильно. Если ты в это веришь, то все случится только к лучшему.

Было потрясающее время. Все было хорошо, все было в любви. С Максимом Дунаевским мы не ругались до того момента, как закончились съемки «Петра Великого». А там начались только сплошные муки. Я так сильно страдала, плакала. Но только потом мы узнаем, как Вселенная плела для нас свои нити, встречи. Владимир Валуцкий, автор и сценарист фильма «Мэри Поппинс, до свидания» написал для меня сценарий «Зимняя вишня». Сниматься безоговорочно должна была я. В это время и возник сериал «Петр Великий», было абсолютно невозможно совместить графики двух съемок. Игорь Масленников, режиссер «Зимней вишни», сказал, что он не будет ложиться под американских империалистов, и отказался брать меня в фильм.

«Худсовет утвердил мне Андрейченко, я был не против, но у нее был роман тогда с Шеллом. Она сорвала нам съемки. Мы ждали ее неделю в Выборге, а она не приехала».

Из интервью
режиссера фильма «Зимняя вишня»
Игоря Масленникова

— Какая глупость! Игорь Масленников начал снимать свой фильм в июле. Мы в то время еще даже незнакомы были с Шеллом. Роман с ним начался в феврале. Влюбилась в Максимилиана в одну секунду, это было как поражение молнией. Когда я только его увидела, стоящего на лестнице, сразу поняла, что это мой мужчина. Удивительно, что я ведь и Максима Дунаевского продолжала любить. Возвращалась от Максимилиана в три часа ночи, говорила что-то про репетиции. Я в тот момент любила их одновременно, искренне любила, правда.

А трагедия-то началась в другом. Меня вызвали туда, куда надо вызывать в таких случаях. Никогда не забуду, текст был величайший: «Что вы себе позволяете? В три часа ночи вы покидаете отель «Космос», где живут иностранцы. В стране, где о вас знает каждая бездомная собака». Вот так разговаривали! «Запомните, мы знаем про вас все. И в вашей сумке мы найдем то, чего в ней никогда не было. За что минимум 15 лет, а может быть и пожизненное в Сибири. Подумайте, пожалуйста, как вам нужно поступить».

Это был 1983-й или 1984 год, Андропов у власти. За мной ездили мотоциклетки все время, нас не оставляли ни на одну секунду. То есть, помимо всего прочего, брак еще был и вынужденный, потому что Максимилиан был холостяком, он не собирался жениться никогда. А для меня этот брак стал трагедией всей жизни. Как бы ни любила этого великого человека, я никуда не хотела уезжать из России. В 28 лет у меня было все. На столе в роскошной кухне лежали пять сценариев, один

лучше другого: Тодоровский, Роман Балаян и так далее. Я понимала, что здесь моя жизнь, люди, которые в меня поверили. От этого не уезжают. Но давление заставило меня сделать этот шаг.

Я пошла к судье: «Мне нужен развод через 48 часов». Он посмотрел на меня как на сумасшедшую и сказал: «Девочка моя, нужно минимум два месяца». Ответила, что нужно через 48 часов, иначе мне кранты. Судья спросил, понимаю ли я, что придется от всего отказаться? «Все понимаю, только сына оставьте мне». Судья тогда произнес: «Я разведу вас, приходите. А муж согласится?» Максим, бедный, не хотел со мной разводиться, но я умоляла: «Мой золотой, меня иначе посадят в тюрьму». И он поступил два раза очень красиво: первый — дал мне развод, и второй — когда разрешил Максимилиану усыновить Димитрия.

А Шелл испугался до смерти. Во-первых, у него были депрессии, о которых он меня предупреждал. Максимилиан был со мной абсолютно честен, за что я ему очень благодарна. Он говорил: «Я не советую тебе выходить за меня замуж, потому что в нашей семье очень страшное заболевание, генетическое. Оно идет по маминой линии, у нас все проходят через него. А ты счастливейший человек. Ты единственная женщина в России, которая всегда смеялась. Я никогда не забуду этого, ты всегда улыбалась». Конечно, он переживал и пошел на попятную. Сказал, что не приедет, ему надо подумать. А в это время на меня было все больше и больше прессинга. И я абсолютно искренне решила закончить эти отношения. Перестала снимать трубку телефона, и все прекратилось.

Потом ко мне пришла знакомая и сказала, что приедет человек от Марии Шелл, сестры Максимилиана, и принесет какой-то подарок от нее. И когда раздался звонок, я открыла дверь — там стоял один Максимилиан Шелл, он просто одним махом ударил по двери. И он шел по длинному коридору моей квартиры, а я от него бежала и повторяла только одну фразу: «No, no, no, нет, нет, нет, нет», — у меня слезы. Максимилиан подошел ко мне, обнял. Запах. Родной. И я поняла, что ничего не могу сделать, у меня упали руки, и просто лились слезы. Так это все и случилось снова.

Мы с Максимилианом жили в России девять месяцев, и мне очень не хотелось уезжать. На сроке беременности восемь месяцев и три недели я уехала сниматься в фильме Анатолия Васильева «Леди Макбет», мне некогда было даже родить ребенка. После рождения Насти я делала все, чтобы Максимилиана удержать в России. Потом он понял мои мысли и сказал: «Слушай, я тебя очень люблю и очень люблю Россию, если бы я не был режиссером, актером, сценаристом, владельцем компании, композитором, дирижером, а был просто писателем, то с такой радостью купил бы себе маленький домик в Переделкине и жил счастливую жизнь с тобой в России. Но, к сожалению, у меня другая профессия, и я не могу здесь с тобой остаться. У нас родился ребенок. Нам надо принимать решение».

Уже в Америке я очень беспокоилась о том, как семья Шелла примет моего сына. Но они оказались так счастливы, что у баронессы появился внук, она его обожала. Это была очень дружная семья.

Потом в доме стали появляться посторонние люди. Это была моя вина. Рушиться все начало, как у Шекспира в «Отелло»: главный герой не ревновал Дездемону, он понимал, что там нет никакого физического контакта, но есть влюбленность духа. Максимилиан это чувствовал. Тогда как раз было начало моего духовного пути, когда я не могла больше выносить всю эту ложь: «Hi, bye, I'm fine, everything is perfect!» Я сходила с ума и ушла в йогу. Макс очень не нравилось. Почему-то он мог спонсировать мне самого дорогого частного фитнес-тренера, но как только я пошла на йогу, которая ничего не стоила, он очень испугался. Макс — человек от ума, а я пошла путем сердца, две огромные разницы, вечный конфликт. Потом я стала учиться у мастера толтеки Дона Мигеля Руиса и начала ездить с ним в путешествия. Я прониклась какими-то другими истинами, и Макс не мог мне этого простить, особенно когда на Пасху я уехала и забрала няню у своих детей, чтобы она тоже немного отдохнула. Сыну и дочери тогда было уже 9 и 14 лет, можно уж было как-то разобраться с такими взрослыми детьми.

Моя трагедия началась очень просто. Максимилиан зашел в библиотеку, я сидела на диване, абсолютно не готовая к встрече. Он сказал: «Что с тобой, ты хоть понимаешь, куда мы идем?» Мы должны были идти к Энн Страсберг — жене Ли Страсберга, великого театрального педагога, в университете которого училась моя дочь. У нас было приглашение на вечеринку, а я больше не хотела и не могла притворяться. Сказала тог-

да Максимилиану: «Макс, как ты хочешь, чтобы я пошла с тобой и была несчастлива, или чтобы я осталась здесь и была счастлива?» Он испугался до смерти этого вопроса и сказал: «Даже не обсуждается, я хочу, чтобы ты осталась дома и была счастлива». Это было начало конца. Он не понял меня. Я имела в виду, что готова с ним хоть на край света, но строить рожи и опять играть больше не хотела. В какой-то момент, сидя на том диване, я проснулась. Это было началом осознанного пути в поисках себя. Мне хотелось знать, кто мы, куда придем, как уйдем, какие будут наши последние мысли?

Затем было очень сильное предательство. Максимилиан мне сказал: «Я встретил женщину. Она простая, примитивная, не красивая и не умная. Я останусь с ней». Когда Макс мне обо всем сказал, больше всего меня потряс текст. Сейчас я уже понимаю, что мужчинам нужно — простота. Умная, красивая и сильная женщина не нужна. Боятся. Шелл стал с ней жить в одном из наших домов в Альпах. Со мной были дети, дочка бегала к папе, а одна из его секретарш не пускала.

Настя всегда была папиной дочкой, и для нее наше с ним расставание было очень болезненно, для Мити тоже, но у Максимилиана характер жесткий, тут ничего сделать было нельзя. Он так решил. Единственное, могу сказать, что я умница. Я держала эти отношения всю жизнь. Мы всегда были вместе после развода, который я ему не давала семь лет, потому что знала, что та женщина его погубит, ей надо было другое.

Сейчас я уже выхожу из своего ретрита, можно сказать, окончательно вышла. Мне очень нужна была Мексика для того, чтобы закончить поиск себя и расставить все точки над «і». Не знаю, что будет дальше, не могу сказать, что готова работать. Сейчас буду создавать свои лекции и вебинары.

Я удивительный человек, в моей жизни было такое количество боли. Но я как птица Феникс. Не знаю, как мне это удавалось, я всегда вставала каким-то образом, встряхивалась и шла.

У меня много красивых, замечательных друзей. Стали появляться мужчины, потому что я искренне открыта и мечтаю найти свою родственную душу. Понимаю, что замах слишком большой, но очень хочется встретить, как Максимилиан всегда говорил, дружочка, и я обязательно это сделаю. Начался самый главный, самый плодотворный, самый большой период моей жизни. И самый интересный. Как говорит моя великая мама: «Ха, какие глупости, шестьдесят — это всего лишь десерт жизни!»

Максиму Дунаевскому я сама предложила жениться на мне во второй раз. Подумала, что, когда люди знают друг друга, уже прожили жизнь, у всех все хорошо, то почему бы и нет? В наше время, мне кажется, люди ищут родственные души.

Обращаясь к себе в прошлом, я могу сказать: «Я горжусь тобой, маленькая девочка. Через какие жизненные опыты тебе пришлось пройти, какая ты всегда была смелая, как ты никогда ничего не боялась, — все было вопреки, но ты шла своим путем, только своим путем».

ЕЛЕНА ВОРОБЕЙ

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

«Как вы могли ее так запустить? Ваша дочь навсегда останется инвалидом, если ей срочно не сделать операцию», — услышала известная артистка Елена Воробей слова врача, которые вызвали у нее настоящий шок.

Многие еще не раз упрекнут ее в том, что она плохая мать.

Постоянные концерты и гастролы. Зрители привыкли видеть Елену Воробей всегда радостной и смешной. Такой она и была для них, выступая всего за день до сложнейшей операции, которая предстояла ее единственной дочери Софии.

А то, что тогда творилось в душе артистки, знала лишь она одна.

Потом за сутки Елена добралась на четырех самолетах до Мюнхена, шесть мучительных часов, которые длилась операция, двадцать титановых шурупов в позвоночнике дочери, месяц на восстановление. Когда все самое страшное было позади, Елене пришлось оправдываться за то, какая она мать.

Мало кто знает, но детство самой юмористки счастливым не назовешь. Сначала ее воспитывали бабушка с дедушкой, а потом родители отдали ее на пятидневку в школу. Чуть повзрослев, Елене пришлось воспитывать свою младшую сестренку, потому что родители опять были заняты. Тогда она пообещала самой себе, что, когда вырастет, станет совсем другой мамой. Но могла ли она предположить, каким долгим и мучительным будет путь к материнству в ее судьбе. Судьбе человека, судьбе Елены Воробей.

Борис Корчевников, телеведущий

— У дочери Софии был диагностирован сколиоз третьей степени, тяжелый. Если бы мы не приняли меры, он бы повлек за собой инвалидность. Я наспех обвиняла врачей, но когда сколиоз набирает скорость, его купировать можно либо в очень раннем возрасте, отслеживая процесс вытягивания позвоночника, либо уже когда подросток набрал основной рост. Поэтому мы параллельно обратились и к российским специалистам, и к белорусским, и в Финляндию отправляли, и в Германию.

Для меня во всей этой истории был один памятный день, самый сложный. Второе мая — юбилей моего папы, дедушки Сони, ему исполнилось семьдесят лет. И в тот же день была операция на позвоночнике дочери. Мы замерли всей семьей в ожидании многочасовой тишины, которая тянулась вечно. Операция шла шесть часов. Эту паузу я запомнила на всю жизнь, и те слезы радости, когда раздался звонок и нам сказали: «Все хорошо».

Уже все, слава Богу, позади. Это та страница, которую мы, честно говоря, перелистнули. Сдела-

ли это, объединившись всей семьей, и вышли победителями. Все хорошо. Доченька уже занимается спортом.

Я изменилась. Я стала ближе к своим родным, которые поддерживали меня все это время. Мама привезла ко мне в больницу всю семью. Конечно, было тяжело, когда мама уезжала, но со мной оставалась сестра, которая постоянно меня поддерживала и помогала мне.

София Лебенбаум,
дочь Елены Воробей

— Это та самая обратная сторона нашей профессии, которая абсолютно беспощадна. Я, не кривя душой, скажу, что каждый из нас проходит мощнейший стресс, когда теряет близких, но мы не можем сказать, что не сделаем сегодня шаг на сцену. Просто мы должны. Это тот компромисс и та высокая цена, которую мы платим, обретая любимую профессию. А когда я была рядом, то все время старалась шутить, Сонечке было больно улыбаться. Но вот это желание думать о хорошем, о том, что все самое страшное позади, так велико и подначивает пошутить. Мы учились заново чувствовать друг друга. Самое главное, чем я дорожу, — кредит доверия, который у нас есть. Это всегда хрупкая конструкция. Нельзя давить, я должна уважать и искренне это делать, подавать в чем-то пример.

Но когда Сонечке было 14 лет, случился обостренный конфликт после фразы: «Мне тетя ближе, чем ты». Я понимала, что она уже так же высказалась о сестре, дедушке, бабушке. Ей казалось, что друзья — это ее семья. Мне, конечно, было очень обидно.

Мне казалось, что весь мир против меня,
и какие-то друзья мне ближе, больше меня
понимают, потому что мы одного возраста.

София Лебенбаум,
дочь Елены Воробей

— Дети думают, что взрослые умнее, у них больше опыта, они чувствуют этот мир точнее и правильнее, им достаточно ума и чутья для самостоятельных шагов. Но мы-то понимаем, что за первым же шагом будет в лучшем случае шишка.

Мне нужна была дистанция, самостоятельность, которую Соня взяла бы без меня и поняла ценность семьи. Тогда я узнала, что существует особая форма обучения — школа-пансион, в которой есть униформа и запрещено краситься, быть с распущенными волосами и ходить с мобильным телефоном. А главный девиз этого пансиона был: «Вы дети успешных родителей, но вы к их успеху не имеете никакого отношения. Получите свой успех и научитесь на него работать». Я закричала: «Да! Это то, что нам надо!» Через

время мне позвонила Соня и сказала: «Мама, куда ты меня оформила, это же армия!» Но на самом деле у нас была еще одна цель. Сонечка хотела, чтобы было много друзей и подруг, эту возможность она там, конечно, приобрела. Новые приятели, новые одноклассники, одноклассницы, новые интриги.

Раньше у нас не было открытости и близости, но сейчас я маме рассказываю все. Она дает мне совет, помогает чем-то.

София Лебенбаум,
дочь Елены Воробей

— Я человек-рентген, чувствую людей. Это то, без чего актерам было бы сложно существовать на сцене, вживаться в образ, проживать роли других людей. Поэтому я могу сказать точно, что все, кто рядом с Сонечкой, — это замечательные люди.

У меня с родителями не было такого контакта, как с доченькой. Когда двое детей, один думает, что его любят меньше, чем второго, и мне казалось, будто родители уделяют мне мало внимания, плюс я нянчилась с сестрой. С меня больше спрашивали, требовали, все хозяйственные работы по дому должна была делать я, и конечно, это раздражало. Мне нужно было хорошо учиться, желательно без троек. А я человек азартный, меня и заставлять не нужно, лишний контроль

нервировал. Потом у мамы с папой было странное мнение, что раз я хулиганистая девчонка, то с меня толку в жизни никакого не будет. И это тоже бесило, при том, что я знала, кем хочу стать. Но мои театральные закидоны родители воспринимали как чудачество.

Борис Корчевников: Откуда взялись театральные закидоны. Органично, когда они рождаются в актерской семье. А у вас как?

— Я ничего не знала о нашей семье, которая погибла в 1942 году на Бронной горе, где было расстреляно порядка 20 человек. В 2020 году мне выпала счастливая возможность узнать что-то о своих родных. После того как рассекретили архивы, историки из Бреста помогли мне найти фотографии и анкеты всей семьи, большая часть которой была убита фашистами. Теперь я знаю их имена и вижу лица, для меня это уже не общая братская могила, у этого мемориала жертвам холокоста есть лица и фамилии. Это мои родные.

Бабушка моя — единственная, кто выжил из всей семьи. В тридцать девятом году, когда Гитлер напал на Польшу, семья бабушки спасалась бегством и оказалась в Кобрине. Но спасение это было недолгим. В сорок первом году началась война. Бабушке было пятнадцать лет, она подрабатывала — нянчила детей в офицерской

семье, в военном гарнизоне. Когда началась бомбежка, она с этими двумя детьми на руках оказалась перед выбором: либо ей бежать к своей семье, либо спасти маленьких. И она выбрала второе. Прыгнула с ними в эшелон и поехала в неизвестном направлении. Эшелон бомбили в дороге, они прятались в лесах, в полях, каких-то болотах, ходили на партизанские отряды, и в результате эти дети остались живы. Она сдала их в военную прокуратуру, а сама проскиталась полтора года, оказалась на артиллерийских курсах и войну встретила с оружием в руках, дошла до Берлина. Потом она получила страшное письмо о том, что вся ее семья погибла и возвращаться некуда.

Я пыталась найти ниточки какие-то, потому что знала фамилию семьи спасенных детей, но не могла.

В четыре утра двадцать второго июня сорок первого года на воинскую часть обрушились бомбы. Мне было шесть лет, а моей сестре Асе два с половиной года. Лива, пятнадцатилетняя девочка, которая жила в нашей семье и помогала дома по хозяйству, побежала в бомбоубежище. В восемь утра были поданы грузовики и нас вывезли в город Бобруйск, посадили в товарные вагоны и повезли на восток. Оказались в городе Орел. Лива пошла на курсы медсестер и сразу на фронт.

Она и мама переписывались, а потом письма от Ливы перестали поступать. Мы не знали, что с ней.

Галина Купервацкая,
дочь полковника Исаака Купервацкого.
Одна из детей,
спасенных бабушкой Елены Воробей

— Бабушка родила четырех сыновей, все они трудяги. Если же говорить о дедушке, то у него была очень трудная судьба — нищая еврейская семья, он рано стал кормильцем, потому что отца убили. Дедушка был кровельщиком. Обгорел почти на семьдесят процентов, кожа была обожжена, но это только закаляло его. Человек с невероятным чувством юмора, знавший пять языков. Благодаря дедушке у меня появилась первая профессия — преподаватель музыки.

Как-то дедушка вызвал меня на серьезный разговор и сказал: «Внучка, я тебе подарил путевку в жизнь, хочу, чтобы ты была преподавателем музыки, стала приличным, интеллигентным человеком, хорошо зарабатывала и тебя называли по имени-отчеству. Но мне сказали, ты хочешь быть артисткой. Ты знаешь, кто такие артисты? Гоп-гоп-гоп, сегодня здесь, а завтра там. Что о тебе будут люди говорить?» Папа сказал ему, что я точно не поступлю, и дедушка ответил: «Ну тогда ладно».

Родители отпустили меня в Ленинград поступать и помогли немного. Первый раз я провали-

лась на экзаменах. Конечно, это было неприятно, любое поражение — это стресс. Но я продолжала готовиться к театральному институту. И на следующий год, когда родители узнали, что я опять собираюсь поступать в театральный институт, мне кажется, папа сказал пророческую фразу, значительно опередив будущее: «Денег нет, но ты держись».

Я разгружала машины с хлебом, но мне эта работа нравилась, потому что из ром-бабы выпадали изюминки, и их можно было сгрести. То же самое происходило с кексами, посыпанными орешками. Орехи осыпались, и это был тот бонус, на который я очень рассчитывала. Чем больше я трясла при ходьбе, тем больше оставалось мне потом.

Мне не было еще и двадцати, я была юна, самая смешная девчонка на курсе, а по-моему, даже в институте. Когда мы сдавали зачеты по танцам, на меня приходил посмотреть весь вуз. Я только единственного не понимала, почему все смеются? Ведь я на полном серьезе танцевала павана, менуэт, как все. А наша преподавательница по танцам ласково называла меня: «Ты наша Анна Павлова. Я сама обожаю смотреть, как ты танцуешь». Сейчас я понимаю, что она, наверное, подхихикивала.

В институте ни о какой личной жизни я не мечтала, только о ролях. До такой степени, когда сама себе задаешь вопрос: «Что для меня важнее: личная жизнь или карьера, работа?» Я ответила: «Пятьдесят на пятьдесят», а потом: «Не-не-не,

саму себя не обманешь, сорок девять на пятьдесят один. Пятьдесят один — работа, а сорок девять будет личная жизнь — хорошо, а не будет... главное, чтобы те пятьдесят один набрать».

Острохарактерных актрис немного в потоке, да еще таких, какой была я: маленького роста, со смешной внешностью, — нас сложно пристраивать. Однажды меня поставили играть в американском мюзикле, я же и там сумела отличиться. Это был первый мюзикл в России — в Ленинграде, со студентами театрального института. Ставили люди «оттуда», которые владели этим жанром. Я думала, что сейчас меня заметят, куда-нибудь пригласят, уже одной ногой в Голливуде. Все говорили, что я похожа на Лайзу Миннелли или Барбару Стрейзанд. Одной ногой в Голливуде я и оказалась.

Сюжет мюзикла прост: мы все люди с улицы, которые пришли за славой в кордебалет на Бродвей. Я играла одну из таких претенденток на роль. Мы выступали в тренировочных костюмах. По сценарию, всех героев не приняли, и мы фантазировали, что зря они не взяли нас, и за секунду переодевались из тренировочных костюмов в красивые серебряные жилетки. Всегда знала, что в костюме левый башмак мне великоват. День премьеры, вышли на этот танец, и я почувствовала, что почему-то сегодня левый башмак хорошо сидит. Тут услышала, как слева моя сокурсница начала смеяться и сказала: «Ленка, ты один носок забыла снять». А я в телесных капроновых кол-

готках, туфлях и в махровом розовом, свалянном, дырявом носке на сцене. В зале случилась просто истерика! Это был лучший спектакль.

Потом уже после победы на конкурсе «Москва-Ялта-Транзит» в 1993 году я чувствовала себя невероятно счастливой. Моя жизнь не изменилась резко, но желания стали более дерзкими. Случилась дивная история. Казалось, что моя жизнь обретет теперь постоянные оvationи, я всегда буду во внимании. Но это было не так. Созваниваясь с продюсерским центром в Москве, спрашивала, почему им не нужен победитель конкурса для разных передач. Мне сказали: «Ты талантливая артистка, но тебе нужен спонсор». Случайно в аэропорту я увидела богатого дядечку, он был с семьей, детьми и разговаривал с ними про деньги, акции, какие-то вклады. Я тогда подумала: «Вот же они, эти богатые дядьки с деньгами. Он сядет сейчас в бизнес-класс, ему лететь час, а заплатит за это в пять раз дороже. Что мне терять? Нечего». Подошла к нему и спросила: «Простите, пожалуйста, что я к вам обращаюсь, вы не подскажете мне, в каких случаях банк помогает артистам, певцам, певичкам?» И он ответил, обведя меня оценивающим взглядом: «Ну в случае, если этот артист — близкая родственница или на крайняк дальняя. А зачем ты меня об этом спрашиваешь? Ни на одну из этих ролей ты не подходишь». Я: «Знаете, мне так в жизни не повезло совсем недавно, я сдуру победила в конкурсе “Москва-Ялта-Транзит”». Он понял и вдруг обра-

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

тился: «Так это ты выиграла в школьной форме с бутербродом? Мы же болели за тебя четыре дня. Какие у тебя проблемы?» Я: «Да вот, песни сочиняю, у меня денег не хватает на студию». Это был единственный человек, который материально помог мне сделать первый шаг, чтобы появился музыкальный продукт, с которым можно работать. Потом он сделал нам с Юрием Гальцевым первые гастроли. Еще долгие годы мы общались, дружили, его семья жила в Израиле, они приходили ко мне на концерты.

ЛЮДМИЛА ПОРГИНА
ТРИ БРАКА, ОДНА ЛЮБОВЬ

Когда здоровье известного актера Николая Караченцова ухудшилось и в дополнение ко многим бедам последних его лет добавилась еще одна — у него диагностировали рак, с ним рядом всегда была его жена — актриса Людмила Поргина. В последние годы, казалось, она растворилась в нем. Однако если в судьбе Караченцова брак с Поргиной единственный, то он стал ее третьим мужем. В числе ее поклонников были известные актеры: Александр Збруев, Олег Янковский, а Караченцову даже пришлось отбивать ее у предыдущего супруга. О том, что она сама актриса, знали немногие, пока в ее жизнь не ворвалось горе. В одну ночь умерла ее мама, а следом — страшная авария, в которую попал ее муж Николай Караченцов. Эта авария превратила звезду экрана в тяжелобольного человека, а ее жизнь — в подвиг. Как так случилось, что ей пришлось положить на алтарь его судьбы свою, судьбу Людмилы Поргиной.

Борис Корчевников, телеведущий

— Мы с Михаилом Поляком, моим первым супругом, были в одной театральной студии на Сретенке. Я его встретила, когда мне было двенадцать лет, а ему тринадцать. Мы репетировали вместе, к нам приходил Владимир Высоцкий играть на гитаре, Олег Ефремов. А Миша знал много стихов и часто мне их читал, много пел — такой красивый баритон, и, конечно, я пала смертью храбрых, влюбилась. Любовь, любовь! Я окончила школу и вместо того, чтобы идти в институт, пошла за него замуж. Мама с папой в загсе подписывали согласие и разрешение мне, семнадцатилетней девушке, выходить замуж за восемнадцатилетнего юношу. Миша уже поступил во МХАТ к Манюкову, а на следующий год поступила я, к Массальскому и Тарасовой.

Мы жили с ним в коммунальной квартире, в которой водились тараканы и мыши. Квартира была напротив школы-студии МХАТ. Мне жаловались на мужа, ему жаловались на меня, когда что-то делала не так, пропускала занятия, не выучила стих — весело было. В конце года после

экзамена по мастерству ко мне подошел его педагог Манюков, который был педагогом и моего потом третьего мужа, Караченцова, и говорит: «Послушайте!» — «Я что-то не так сделала в отрывке?» — «Да я про личную жизнь» — «Что у меня не так с личной жизнью?» — спросила я. Он ответил: «А вам не кажется, Людочка, что вы выросли из своего мужа, как из пиджака? Мой вам совет: разводитесь, берите свою фамилию Поргина и живите, и творите спокойно, он вам не нужен». Я была воспитанная интеллигентная девочка, поэтому сказала ему «спасибо». А потом пошла после экзамена и задумалась: вот мы уже два года в браке, а что нас объединяет? И я поняла, что наши пути расходятся, когда это осознала, предложила Мише пожить отдельно, начать новую жизнь. Он, конечно, был не согласен с этим, и мы потом опять сошлись, затем снова разошлись, и в итоге я от него ушла.

Когда тебе четырнадцать лет, ты видишь человека и потом хочешь видеть умного, заботливого, сильного, мужественного человека. К сожалению, у него было такое, как бы сказать, генетическое не очень хорошее врожденное качество, как выпивание, это тоже очень раздражало, мешало. Это было тяжело для меня, ведь первая любовь — это всегда разочарование, и очень трудно идти дальше по этой жизни. Но потом мы все равно оказались вместе в одном театре — мой третий муж Николай и бывший первый муж

Михаил. И когда у Миши и его второй жены родился сын, я приходила к ним посидеть с маленьким ребеночком, которого мы называли общим от одного отца. А после этой супруги Михаил ушел к Лене Шаниной, которая играла Канчиту — любовь Караченцова в «Юноне и Авось», Затем Миша и Елена поженились, а мы с Колей ходили к ним в гости.

А до Николая Караченцова я была замужем второй раз. Мы поехали на съемки фильма «Много шума из ничего», и какой-то мужчина все время за мной ходил, ездил.

Я тогда плохо разбиралась в машинах, и мне казалось, что он ездит за мной на вишневой «Волге», мне потом кто-то сказал, что это «Мерседес», большая редкость в Москве, и тогда я посмотрела на этого человека. Это был Виктор Корзун, мотогощик, который делал все страшные трюки в фильме, поэтому характер у него был мужественный, а внутри оказался как ребенок, мягкий и добрый. Какой-то период я думала: «Наверное, любви в жизни нет. Вот тебе человек с нежной душой, сильный физически. Он тебя любит, ходит за тобой. Выходи замуж!» И вышла.

Он дарил цветы, всегда за мной приезжал, пытался читать стихи, не умея этого, но старался, дарил какие-то красивые вещи. У него было очень много иностранных друзей, и я была как куколка ухоженная. Но он решил меня убить, когда я уходила к третьему мужу. Мы прожили

с ним два года — у меня все как-то по два года был «срок заключения» в браках. В этот момент я поступила в Театр Ленинского Комсомола, пришла на спектакль «Музыка на одиннадцатом этаже». Открылся занавес, вышел на сцену Збруев, и весь зал завизжал, а потом вышло что-то такое на длинных ногах, челюсть не помещается во рту, глаза — две фары, руки-ноги длинные, а я думаю: «Господи, где ж такую красоту-то нашли? Такого огневого!» Покрылась пятнами, потому что поняла, что это мое. А надо мной висела огромная люстра в любимом стиле модерн, и я подумала: «Если он не станет моим последним третьим мужем, то надо повеситься на этой люстре». Но Николай не дал мне это сделать, он тоже влюбился в меня. Мы репетировали спектакль «Автоград», у меня уже была главная роль, я влюблена безумно в этого лохматого парня, который бегаёт в массовке, а он это чувствует. Однажды он пробежал мимо и, поцеловав меня в щечку, спросил: «А если я тебе сделаю предложение, ты разведёшься?» Я ответила: «Завтра же», — и развелась.

Виктор захотел меня убить, когда я решила уходить к Караченцову. Он посадил меня в машину, повез в лес и сказал: «Ну все, прощайся с жизнью. Что ты нашла в этом рыжем сопляке?» А я тогда взяла и сама ударилась о край машины, даже вмятина осталась, и сказала: «Зачем? Я сама себя убью», — и он просто оставил меня в том лесу,

не стал убивать. Я вышла из леса, поймала машину, доехала до дома, несколько дней заикалась. Я добрый человек, понимала, как ему тяжело, для него это была трагедия. Но потом со стороны следила за его судьбой. Он женился, родил двоих детей и умер в 2017 году.

После развода с Корзуном два года, у меня же все по два года, я ждала от Николая предложения. Мы даже жили в его коммуналке где-то на метро «Войковская».

Я очень похудела, потому что не успевала поесть, представляла уже из себя скелет, меня сняли с главной роли, Марк Анатольевич Захаров спросил тогда: «Людмила Анатольевна, вас уже не видно в профиль на сцене. Что с вами происходит?» А я: «У меня личная жизнь налаживается». Марк Анатольевич сказал: «Ну вы тогда наладьте сначала, а потом играйте главные роли». И тогда я поняла, что если Николай хочет, чтобы я умерла на сцене или на той люстре, то надо как-то свою жизнь двигать.

Наверное, женщины все-таки часто делают первые шаги. Мы были на гастролях в Ленинграде, у меня сидели Александр Збруев и Олег Янковский, оба ухаживали за мной. Мы пили шампанское, читали стихи, и вдруг входит Коля, выпили еще шампанского, и потом он говорит: «Все, ребят, всем нужно уходить». И все начинают собираться, а я говорю Коле: «А ты останься». Он дверку прикрыл, а я первая сказала: «Ты

знаешь, что я тебя люблю?» Он ответил мне: «Девонька ты моя». У Анны Ахматовой есть такое стихотворение:

Словно ангел, возмутивший воду,
Ты взглянул тогда в мое лицо,
Возвратил и силу, и свободу,
А на память чуда взял кольцо.
Мой румянец жаркий и недужный
Стерла богомольная печаль.
Памятным мне будет месяц вьюжный,
Северный встревоженный февраль.

А ведь мы тоже познакомились с Колей в феврале. Наш роман мы скрывали, целовались где-то за театром, кто-то нас увидел, пошли разговоры. А предложения замуж от него я все жду, жду и жду! Подошла к нему и говорю: «Коль, прости, пожалуйста, но я должна тебе сказать, что выхожу замуж». — «За кого?» — «Ну у меня есть два варианта: один француз, а другой немец. Я должна дать им ответ в ближайшую неделю, если у тебя есть какие-то ко мне предложения — делай быстро». На следующий день утром, я у мамы, он мне говорит: «Девонька, любимая, до репетиции мы должны успеть в загс». Есть разные события в жизни у нас, но есть те, которые коренным образом меняют ее. И вот уже сорок три года я храню это приглашение на свадьбу. В нем просто написано: «Караченцов Н. П., Поргина Л. А., 1 августа 1975 года, в 17:20 расписываются в ЗАГСе на Ленинском проспекте».

Вы знаете, я сейчас абсолютно счастлива. 32 года я обожаю Люду Поргину, она больше, чем подруга, она для меня во многом эталон. Каждый человек выбирает себе стиль поведения, и мне казалось, что Людочкин стиль поведения лучший.

Мы как-то приехали отдохнуть в Испанию. У Люды масса талантов, кроме одного — она не может выучить ни один иностранный язык, у нее даже нет магазинного английского, спросить «How much» — это уже невозможно. Но мы идем по какой-то улочке в Испании, выскакивают торговцы, Люда подходит, примеряет шляпку, сбегаются люди, начинают смеяться, звать друг друга и продавцов из других ларьков. Мы возвращаемся через два дня, все эти люди выбежали и встречали ее, как любимую и родную. А дело здесь в том, что от нее идет такое тепло, такая доброта. И мне вот это 32 года назад показалось невероятным шиком. Это шикарно, а не все прикамбасы нынешних звезд. Всегда, выходя на улицу, любить людей, чтобы у тебя ни было дома, улыбаться — этому я научилась у Люды. Если меня когда-то за что-то хвалят, я всегда открыто говорю, что это благодаря Людочке Поргиной.

Лора Квинт,
композитор,
подруга Людмилы Поргиной

— Моя жизнь настолько изменилась, я действительно счастливый человек. Меня стали называть городской сумасшедшей: «Если по улице идет улыбающаяся женщина с ярко покрашенными губами — это Люда Поргина, она в экстазе от своей любви». Идет дождь, снег, а я все равно улыбаюсь — у меня есть Коля, который перевернул всю мою жизнь и научил меня любить своих родителей, любить этот мир, дарить радость, уважать старость. Вся моя жизнь превратилась в такое счастье необыкновенное. Мы играли, вместе ездили на гастроли, я даже подумала: «Ну ведь так же можно умереть от счастья. Как же можно жить в таком счастье? Столько радости мне одной!» Но потом появилось еще одно счастье — мой сыночек Андрюша.

Мы очень хотели, чтобы у нас родился сын, потому что я сама по себе хулиганка, и было бы трудно с девочкой, я бы ее учила лазить по деревьям, а с сыночком мне было очень просто. Я всю жизнь храню его волосики, срезанные во время крещения, и крестик, который отец Владимир на него надел. Иногда смотрю на все это и тихо плачу от счастья, потому что нельзя же так много счастья человеку в жизни.

Коля меня ограничил сразу, он сказал, что теперь у нас есть сын, и я должна заниматься его воспитанием, театр — пожалуйста, но кино останется его прерогативой. Мы часто вместе ездили на гастроли. Как-то я спросила у Коли: «Скажи,

что для тебя главное в жизни: театр или кино?» — «Театр». — «Тогда так: театр или семья?» И тогда он ответил: «Семья. И только для того, чтобы вы мною гордились и знали, кто я такой, я достигаю таких высот. Я покорил Париж и Нью-Йорк, и когда они кричали мне «браво», я поворачивался и говорил: «девонька, это было все тебе».

Я взвешивала свой и его талант и понимала, что должна ему служить, чтобы он мог делать то, что только он может. А он действительно был способен работать по восемнадцать часов, спал только четыре часа в сутки.

Но как-то мне показалось, что мы ему не интересны. Я думала: «А вдруг он вырос из всего этого, как я когда-то из первого мужа?» — и боялась, что рядом есть молодые актрисы. Все, кто с ним снимался, все в него влюблялись, и дело тут не в красоте, а в человеческой харизме. Мне приходилось дома строить баррикады из мебели от поклонниц, чтобы они не ворвались в квартиру, я их боялась. Но он никогда мне не дал повода, звонил через каждые пятнадцать минут. Я ему как-то сказала: «Коленька, если ты полюбишь кого-то, ты мне скажи, я уйду, лишь бы ты был счастлив», — а он мне тогда ответил: «Девонька, ты сумасшедшая? Я ж однолюб, я только тебя люблю».

А вот мама Николая жила одна всю жизнь и растила его сама, вернее, он жил в интернате, а она работала за границей. Она думала, что,

когда вернется, они будут жить вместе, он станет водить ее в театры, а тут появилась какая-то пигалица, которая стала его женой. Его мама всегда мне говорила: «Кто вы такая? Вы Шопена знаете? Вы знаете Пятую симфонию Чайковского?» — а я не оканчивала музыкальное училище. Она всегда ставила меня в какие-то рамки и говорила: «Да таких жен у него будет еще много». Это оскорбляло и унижало. Когда я привезла к ней Андрюшку, она посмотрела на него и сказала: «Не нашей породы, какой-то рыжий-конопатый, и не смей бить антикварную мебель ногой!» Я тогда забрала Андрюшу, мы вышли, и он сказал: «Мам, мне кажется, что эта тетя нас не любит». И Коля вступил в конфликт с мамой, поставив ей условие: «Если ты хочешь, чтобы я умер, останусь с тобой и умру здесь на коврике, но жить без нее и Андрюши я не могу. Выбирай». Она ответила, что не хочет с ним разговаривать, и выгнала его из дома. Он покрылся нервной экземой, я повезла его к доктору, мы мазали его лекарствами и пеленали в ткани. Однажды ночью я увидела, как он открывает окно, смотрит вниз с шестнадцатого этажа. Ему было очень плохо и тяжело, я сказала ему: «Коля, ты должен простить маму, она просто очень любит тебя и не хочет делить со мной, но распилить мы тебя не можем, поэтому мы найдем какие-то компромиссы. Ты должен пойти к маме и сказать, что ты ее безумно любишь и никогда не бросишь». Он это сделал.

Однажды я приехала домой, мама Коли сидела на кухне, а Андрюша в комнате. Я спросила, в чем дело, и сын сказал: «Она начала мне указывать, как делать задание, а я сам все знаю и сам могу сделать», — а она тогда ему ответила: «Ты упрямый, противный мальчик».

Я не могу сказать, что это была нелюбовь со стороны бабушки, потому что любая бабушка все равно испытывает какие-то чувства к своим внукам, просто у нее было свое понимание любви. Действительно она хотела вложить в меня все то, что она знала, те правила жизни, которые она ценила. Мы порой ругались и расходились по разным комнатам, но я набирался терпения, понимал, что это моя бабушка. Я был свидетелем очень теплых душевных разговоров, когда папа приходил после спектакля «Юнона и Авось» и час-два он подробно рассказывал бабушке, как прошел спектакль. И я понимал, насколько тесная связь между моим папой и бабушкой, и то, что папа чего-то достиг в жизни, это во многом заслуга Янины Евгеньевны.

Удивительно, что я и на папу, и на маму не похож, но очень похож на дедушку, папиного папу. В плане эмоций и темперамента я тоже на них не похож, поэтому и пошел по другому профессиональному пути, но я надеюсь, что

это не растворится, а передастся моим детям. Я смотрю на Петю, моего сына, и в его походке, чертах лица, жестах прослеживается мой папа.

Андрей Караченцов,
сын Николая Караченцова

— Я потом сама пришла к его маме и сказала: «Мы любим с вами одного и того же человека, вы его мама, я не могу вас разорвать. А меня он любит как его жену, родившую ему ребенка. Давайте как-нибудь договоримся, потому что, если вы когда-то заболаете, не он будет сидеть с вами, а я», — и когда у нее случился инсульт, так и было. Я бросила театр и сидела у нее в больнице, она умерла практически на моих руках. А потом приехал Колечка, он открыл дверь, увидел мои глаза, упал на колени и стал выть, как раненый зверь. Когда мы ее похоронили, я вернулась в театр, потому что была очень нужна Коле. На каждом спектакле, где был колокольный звон, у него начинался спазм. Мама была неотъемлемой его частью. Когда он ее лишился, то уделял моей маме столько же внимания. Он приезжал к нам на дачу, они оставались вдвоем, сидели, пили чай и разговаривали всю ночь. Внучку мы назвали в честь Колиной мамы — Янина, и когда я спрашиваю у мужа, кого он больше всех любит, он отвечает: «Я всех люблю, но Яниночку больше, потому что она похожа на меня и на маму».

Когда умерла моя мама, за телом приехали катафалк и милиция, я узнала, что случилось с Колей. Поехала в больницу, куда его доставили, открыла окна в машине и просто орала, орала, как раненый зверь. Когда вывезли окровавленный свитер, часы и кольцо, подаренные ему Иосифом Кобзоном на юбилей, залитые кровью ботинки, я вдруг подняла глаза и медсестры мне сказали: «Вы присядьте, попейте чайку. Начнется операция, и вы поедете спокойно». По их взгляду я поняла, что они уже вынесли ему смертельный приговор. Мою маму только увезли в морг, я подошла к Коле, обняла его и сказала: «Дурака не валять... Не бросать меня, не бросать! Маму похороню, приду к тебе, и мы встанем. Ты слышишь? Слышишь?» Возможно, что он меня услышал. Мы похоронили маму и стали бороться.

Спустя много дней мне сообщили, что он вышел из комы. Забегаю к нему в палату, а он лежит, как и прежде, спрашиваю: «А где он из комы-то вышел?» А врач говорит: «Вы странная. Думаете, это как в фильме — побежал? Нет. Он пришел на минутку, опять улетел и так потихоньку». Села рядом с ним и сказала: «Коль, ну раз ты пришел из комы, глаза у тебя закрыты, лежишь ты трупом, ну погладь меня, пожалуйста, как ты всегда делал!» Вдруг его рука поднимается и гладит меня по голове и по плечу, а я прокричала: «Все! Мы победили! Мы победили!» Кто бы что потом ни говорил, я знала,

что он встанет, будет ходить, будет жить, увидит рождение внучек. Пускай будет тот же слабенький человечек, но с той же душой, любовью ко мне, сыну, к людям! Пусть он не будет носить меня на руках, я буду носить его. Когда началась борьба за Колину жизнь, я научилась быть резкой, научилась не спать, не есть, стоять часами в реанимации.

Я предупредила бы себя в молодости, написав: «Не нужно ничего бояться, ты очень сильная, и все, что даст по жизни Бог, — это только во благо. Ничего не бойся, мир все равно прекрасен».